

Ф. Ф. ПЕРЧЕНОК

К вопросу об интерпретации понятия «ноосфера»

(В. И. Вернадский, П. А. Флоренский, И. М. Гревс)

Флоренский и Вернадский оба принадлежали к тому типу исследователя, в котором органически соединяются как религиозные, так и научные искания. В этом типе исследователя в начале XX века наиболее нуждалось развитие русской научной мысли.

Эта потребность была связана с отмеченным Вернадским «духовным раздвоением русского общества»: русское православное духовенство представляло собою «образованный класс, чуждый точным наукам»*. Хотя, с одной стороны, отчуждение духовенства от естествознания сообщало последнему некоторую внутреннюю свободу исследования, но, с другой стороны, сложившиеся в России, в отличие от Запада, отношения между наукой и религией подготовляли торжество нового суеверия, способного затормозить свободное развитие мысли.

В докладе на съезде Таврической ученой ассоциации (1920) Вернадский утверждал, что «*русская интеллигенция была даже не атеистична, она была арелигиозна; она пыталась прожить, не замечая религиозных вопросов, замалчивая их. Так было. Но так не будет*»**. Этой позиции Вернадский остался верен в последующие годы, при разработке концепции ноосферы.

В круг близкого духовного общения Вернадского, где вырабатывалась и обсуждалась концепция ноосферы, входили друзья Вернадского по приютинскому Братству (со студенческих лет) — Д. И. Шаховской и И. М. Гревс. Последний и самостоятельно в

* Русская мысль. 1914. Янв. Паг. 2. С. 5—7¹.

** Таврический голос. 1920. 9 нояб.²

своих культурологических изысканиях разрабатывал идею «антропосферы» как сферы человеческой культуры (1927).

В последнем по времени фрагменте своих воспоминаний (1941) Гревс излагает представления Вернадского о ноосфере как одной из трех «основных мирообразующих сфер» (геосфера, биосфера, ноосфера): «Ноосфера является областью, мировым элементом (именно сферою, как у Данте «Небеса»), которая одушевляет, обнимает и завершает космос, дает ему конечное единство». Излагая далее свое понимание ноосферы, Гревс пишет: «...чувется мне в творимом им мире нечто сродное тому, куда меня влечет та сила, которая живет во мне и начала жить с самого начала моего бытия на земле. <...> Это — мировое движение человеческого духа к Богу, познание божества “ноосом” и воссоединение с ним рода людского. Это — создание ноосферы творчеством духа в истории жизни Вселенной. Вот мне теперь и кажется — то, что совершалось в ходе моего единичного <...> существования (жизни «микрокосма» внутри «макрокосма»), — это поднималось по пути такого шествия ввысь с колебаниями, остановками, падениями и возрождениями, но именно так и к такой цели (участию в творчестве ноосферы). И такое “дело” рисуется мне функцией человеческой личности, как бы “духовно-телесного атома”, вечного исчезающего»*.

Если принять во внимание высказывания Вернадского о «Порядке Природы», о том, что «материя и энергия не охватывают всю жизнь»**, что сознание (духовное начало) является «регулятором энергии»***, если учесть также сочувственное отношение Вернадского к «идее неуничтожаемости духовного начала»****, — интерпретацию Гревсом учения Вернадского о ноосфере придется признать, по крайней мере, равноправной с существующими. Во всяком случае, резкое противопоставление ноосферы Вернадского ноосфере Тейяра де Шардена и пневмосфере Флоренского³ представляется неправомерным.

* ААН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 15/2. Л. 3.

** ААН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 162. Л. 61.

*** Вернадский В. И. Мысли и наброски // Прометей. М.: Мол. гвардия, 1988. Т. 15. С. 294.

**** ААН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 162. Л. 6 об.